

Красная Дата

К 200-летию БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ

Дмитрий Дьяков

РУССКИЙ АТОС

Рассказы о воронежском дворянине,
герое наполеоновских войн,
поэте Сергею Никифоровичу Марине,
о его друзьях, врагах и о его времени

«ОДИН ЗА ВСЕХ!»

Дружба определяла в те времена многое. У Жуковского сказано: «Святому братству сей фиал / От верных братий круга! / Блажен, кому создатель дал / Усладу жизни, друга; / С ним счастье вдвое...». У нашего же героя счастья было — вчетверо. Поскольку именно столько друзей вместе с ним пленили высший свет столицы в далекие теперь уже времена начала царствования Александра I.

Они были поразительно похожи на героев популярного романа о мушкетерах, написанного спустя десятилетия после описываемых здесь событий сыном наполеоновского генерала. Четыре молодых офицера самого элитного в России лейб-гвардии Преображенского полка — прекрасно образованные, уверенные в себе, горевшие идеями свободы и желавшие своей стране только добра и славы, — они представляются нам восхитительно органичными как на балах во дворцах столичной знати, так и в кавалерийском седле на полковых учениях в окрестностях Петербурга...

И уж если мы вспомнили о персонажах знаменитого романа Дюма-отца, то д'Артаньяном среди наших героев, конечно же, был юный граф Михаил Воронцов. Сын многолетнего русского посланника в Англии, он рос и воспитывался в Лондоне. Его отец имел репутацию умного, независимого и порядочного человека. При этом — убежденного западника и либерала. Петербургские недоброжелатели

Воронцова-старшего говорили, что в нем и русского-то ничего не осталось: будто бы он и сам это чувствовал и ежедневно за обедом съедал настоящий малосольный огурец — дабы не потерять связи с родиной. Посланник Воронцов слыл известным пессимистом. Оттого он и был убежден, что на Россию надвигается «революционная чума». «Мы ее не увидим, — писал он еще в 1792 году своему старшему брату, — но мой сын ее увидит. Поэтому я твердо решил научить его какому-нибудь ремеслу, например, слесарному или столярному. Когда его вассалы заявят, что он им больше не нужен, и что они желают разделить между собой его земли, он станет своим трудом зарабатывать хлеб... Ремесло лучше ему пригодится, чем греческий и латинский языки или математика».

В 1801 году девятнадцатилетний Михаил Воронцов прибыл в Петербург. Красивая внешность (впрочем, красавцами были все четверо друзей-преображенцев), молодцеватая подтянутость, непринужденная общительность, огромное состояние в сочетании с уникальным домашним образованием, полученным под тщательным наблюдением отца — могли легко обеспечить молодому графу стремительную карьеру при дворе. Однако Михаил Воронцов избрал для себя иной путь. Он стал офицером Преображенского полка, куда, по нравам того времени, был записан еще в

Михаил Семенович Воронцов.
Худ. А. Молинари. 1812

четырехлетнем возрасте. И вновь «посланец туманного Альбиона» изумил петербургский свет. По существовавшему в то время правилу, переходя на военную службу, Михаил, как представитель знатного рода, мог сразу получить генеральское звание. Воронцову же такая карьера показалась зазорной: как это он, еще ни дня не служивший в полку, пришел бы туда сразу генералом! А посему он решил пренебречь своим правом на генеральское звание и попросился в полк поручиком. Его поступок получил широкую огласку. Когда же через два года на Кавказе началась война с Персией, и поручик граф Воронцов (вопреки желанию родственников и к величайшему изумлению друзей) бросил свет и отправился добровольцем на театр военных действий, — в глазах светского столичного общества он сделался почти идеальным романтическим героем. «Ты не поверишь, Воронцов, как весело быть твоим другом; где ни заговорят о молодых людях, везде ставят в пример совершенства тебя», — писал ему на Кавказ один из этой «великолепной четверки»...

Если считать д'Артаньяном Михаила Воронцова, то роль честного и доверчивого мушкетера Портоса, гурмана и любителя нехитрых и грубоватых наслаждений, в той компании выполнял не кто иной, как единственный сын великого русского полководца, граф Аркадий Суворов-Рымникский. Он появился на свет через четыре месяца после сканда-

ного развода родителей: Суворов-старший отверг жену Варвару Ивановну «за неистовство», которым она предавалась в обществе посторонних мужчин. До одиннадцати лет Аркадий жил с матерью в Москве, не признаваемый отцом, пока в его судьбу не вмешалась сама императрица Екатерина II и не определила наследника «rossийского Марса» в камер-юнкера к своему внуку — великому князю Константину. Позже, в 1799 году, уже император Павел I отправил Аркадия к отцу, возглавлявшему в ту пору армию в войне с французами. Тогда 15-летний юноша показал в Итальянском и Швейцарском походах безудержную храбрость, чем окончательно расстал лед в сердце отца. Полководец пустил слезу и признал отцовство.

«Бижу» (так называли Аркадия его друзья, что в переводе с французского означало «сокровище») был высоким гвардейцем геркулесовского сложения и силы. В войсках его обожали за фамилию, добрый нрав и широту души. При дворе же отмечали, что воспитанием его управляли или неумелые, или порочные люди; что, отчасти, было правдой: учился он кое-чему и кое-как и мало чему выучился. Кроме того, Аркадий, с отрочества входивший в круг «золотой молодежи», окружавшей великого князя Константина, приобрел навыки, которые весьма тревожили Суворова-старшего. Для того чтобы отвлечь рано познавшего взрослую жизнь сына от ку-

Аркадий Александрович Суворов.
Неизвестный художник. 1809

тежей и карточной игры, отец решил Аркадия женить. Этую идею удалось осуществить только через два месяца после кончины великого полководца. Аркадий, при личном содействии императора, обвенчался с 15-летней фрейлиной Еленой Нарышкиной, дочерью обер-камергера Александра Львовича Нарышкина, родственника и любимца Павла I. Брак столь юных супругов был далеко не беззабочным. Молодой граф Суворов по-прежнему отличался крайним легкомыслием, так что ни женитьба на светской красавице, ни последовавшее за этим рождение друг за другом четверых детей — его николько не остановили: всему на свете Аркадий Александрovich предпочитал охоту и веселую дружескую пирушку с обильной едой и хорошей выпивкой. «Бижу довершает глупости, — читаем в записках все того же летописца похождений четверых друзей. — Жена переезжает в город; а он уехал с собаками, и она должна на новоселье быть три дня одна. Вот муж, которого не худо было прогнать шпицрутеными. Как можно променять жену на похабную псовую охоту»...

Полная противоположность Портос — чувственный романтик Арамис. Среди наших друзей этот образ идеально воплотил белокурый и голубоглазый полковник Дмитрий Арсеньев. Сын московского предводителя дворянства, он был классической романтической натурой. В 25 лет Арсеньев уже командовал

*Сергей Никифорович Марин.
Худ. О. Кипренский. 1800-е годы*

батальоном и слыл среди солдат человеком отчаянной храбрости. При этом в кругу друзей он был неисправимо сентиментален, страдал и мучительно переживал несовершенство мира. Но главное — Дмитрий Арсеньев был необычайно влюблывым, из-за чего в его жизни постоянно возникали проблемы. Решал он их просто: все свои романы полковник «гасил» на полях сражений. В 1804 году Арсеньев неожиданно почувствовал, что без ума влюбился в жену своего друга «Бижу» — Елену Александровну Суворову — и тут же отправился с русским войском на Ионические острова (в Корфу). Потом были другие влюбленности — и новые походы. «Мудрено ли завести сердце доброго Арсеньева? В его лете оно искало любить, полюбило и в божестве своём нашло всё, что ветреность, что кокетство имеет опасного», — такие строки оставил о нем друг-литератор Сергей Марин.

Этот человек для своих друзей безоговорочно был Атосом — самым старшим из мушкетеров, своего рода мудрецом-наставником. И при этом — благородным, склонным к меланхолии и грусти, топившим печали в вине...

Таким в нашей истории был воронежский дворянин, поэт, блестящий, храбрый и остроумный офицер, великолепный шахматист и заядлый картежник Сергей Марин...

*Дмитрий Васильевич Арсеньев.
Неизвестный художник. 1800-е годы*

БУРНАЯ МОЛОДОСТЬ

По легенде, Марины пришли в Россию из первой и до сих пор самой свободной на свете республики — Сан-Марино. Был вроде бы такой архитектор — Паоло Гедрант, который приехал в Москву строить крепости и храмы еще при великом князе Василии III и получил за то в 1534 году поместье в Можайском уезде. От него и пошли Марины, служившие России мечом, отливавшие колокола и пушки, возводившие инженерные сооружения в русских крепостях...

Наш герой, русский Атос, Сергей Марин родился в Воронеже 18 января 1776 года. Его отец Никифор Михайлович, будущий воронежский вице-губернатор и новгородский губернатор, в ту пору командовал одним из четырех армейских полков, присланных в наш город для защиты от крестьянских бунтов, поглыавших по губернии в период Пугачевского восстания. В семье Мариновых сохранилось предание, по которому выходит так, что аккурат накануне рождения Сергея именно полку его отца было приказано казнить нескольких мятежных башкир, сражавшихся в войске Пугачева, которых взяли в плен и привезли в Воронеж. На площади, которая сейчас называется Никитинской, поставили виселицы. Все ожидали казни, которую должен был свершить полковник Никифор Марин. Но тут появился тот самый святитель Тихон Задонский. И едва он благословил приговоренных, как тут же им зачитали прощение. Говорят, что со временем эти башкиры принесли много пользы для города, как мельники, столяры, торговцы. От них якобы ведут свой род многие известные до революции воронежские купеческие фамилии... Кстати, в конце 1770-х годов святитель Тихон часто бывал в имении Мариновых в селе Подгорном, где не раз наставлял и вразумлял маленького Сережу.

Первые же светские уроки Марин получил от француза-губернера. Потом была учеба в Воронежском народном училище на Большой Девиченской (ныне улица Сакко и Ванцетти), при выпуске из которого его знания были оценены как «острые» при «изрядном» поведении. Впрочем, воронежское образование было, похоже, весьма поверхностным. Во всяком случае, брат нашего героя, будущий генерал Аполлон Никифорович Марин, позже вспоминал, что воспитание, которое получил Сергей в Воронеже, «не могло быть достаточным для полного развития прекрасных его способностей, но сама судьба помогла этому».

Здесь имеется в виду вот что. Никифор Михайлович после ранней смерти супруги женился вторично и по требованию мачехи вскоре отправил своего старшего сына на военную службу, уповая, что под знаменами гвардии тот не пропадет. Так оно и вышло. Друг отца еще со временем лихой юности, капитан Преображенского полка Федор Николаевич Петрово-Соловово определил Сержа Марина в личные посланники самой матушки-императрицы. И теперь каждый день в пять утра сей отрок в ладной форме преображенца входил к Екатерине II и вручал коронованной особе деловую «рапортинку» о происшествиях в войсках гарнизона за минувшую ночь.

В одной из исторических новелл В. Пикуля читаем:

«— Матушка, — докладывал отрок, — драк и пожаров не было, пьянства в казармах не примечено...

Сама несчастная в материнстве, чуждавшаяся своих детей, Екатерина была заботлива к чужим — особенно к сиротам.

— Замерз, Сережа? — говорила она. — Ну, садись к камину, погрейся. Только не мешай мне с людьми разговаривать.

Разморяясь в тепле, под говор докладчиков, которых высслушивала Екатерина, мальчик иногда засыпал в ее креслах, дремотно познавая базарные цены на дрова, треску или сено, что замышляет Австрия или о чем думают в Англии. Если кто из сановников спрашивал о ребенке, императрица поясняла:

— Пусть спит. Будет офицером полка лейб-гвардии Преображенского... В полку-то ему лучше, нежели при мачехе. Он у меня в библиотеке Буало и Вольтера смакует.

— Сам-то из каких будет?

— Воронежский. Из дворян Мариновых...».

...Образованные молодые люди конца XVIII века — любопытнейшее явление русской истории. Дети екатерининских вельмож, ссыльных масонов, присмиревших вольтерянцев, старшие братья Онегина, Чацкого, они учились мыслить под грозовой, очистительной атмосферой всеобщего обновления. Как хорошо было им в тиши библиотек дышать воздухом Французской революции, пока еще в Европе не начался террор!

Когда после смерти Екатерины Россию заполнили звуки барабанов, отбивающих дробь на павловских вахт-парадах, они, проклиная тирана, стали читать «Разбойников» Шиллера, а дружеские пирушки за чашей пунша непременно сопровождали пением «Гимна к радос-

ти» («Обнимитесь, миллионы...») и чтением крамольных стихов Марина...

Ему исполнилось двадцать лет, когда на престол вступил Павел I, и гатчинские порядки, взлеянные палкой Аракчеева, начали прививать к русской гвардии. Марин огрызнулся на новые веяния в армии едкими рифмами:

Я должен всякий день искусною рукою
Поставить пуколь тьму, украситься косою;
Друзей, любезнью — всех должен позабыть
И думать лишь о том, ногой чтоб крепче бить...

Надобно сказать, что к этому времени Марин начинал обретать в столице славу крамольного стихотворца, никак не подвластного цензуре. Всегда неунывающий, фонтанирующий острозвучием, он часто оказывался в центре скандалов. Молодежь, для которой он стал воплощением нравственной правды и силы, ходила за ним по пятам, желая услышать едкое словцо, в салонах повторяли его каламбуры и эпиграфии на... живых вельмож и офицеров:

Прохожий, не тужи, что Сукин наш скончался.
Не ядом опился — уставом зачитался.

В сем месте положен наш бравый капитан.
Не мраморы над ним, а пуншевый стакан.

Прохожий, вздохни: Евгения тут зарыли.
Он умер оттого, что фрак не так скроили.

Под камнем сим лежит известный скоморох:
Над ним висит пузырь, а в пузыре — горох.

Прохожий, подивись, как все превратно в мире:
Рожденный во дворце, скончался он в трактире.

Иногда создается впечатление, что Марин сознательно будоражил недовольство в столице, издеваясь в своих эпиграммах и над императором.

Сие, служивый, рассуждая,
Представь мою всесильну власть,
И мерзостный мундир таская,
Имей свою в терпеньи часть.
Я все на пользу вашу строю,
Казнь кого или покою.
Аресты, катоги сноси
И без роптания проси.

Император нашел повод наказать Марина. Однажды, маршируя на вахт-параде со знаменем в руках, наш герой сбился с ноги, чем вызвал бешеный гнев Павла. Кумир петербургских салонов Марин был разжалован в рядовые и посажен на гауптвахту. Впрочем,

вскоре он, играючи, вернул себе офицерское звание. Во время караульной службы в Михайловском замке рядовой Марин, увидев приближающегося императора, столь лихо, на прусский манер, отдал честь Павлу I и проделал ружьем артикул, что император пришел в неописуемый восторг и, хлопнув молодечеватого часового по плечу, тут же сделал его поручиком.

...В ночь с 11 на 12 апреля 1801 года поручик Марин командовал особым отрядом телохранителей из привилегированного батальона Преображенского полка, который Павел I именовал своей лейб-гвардией. Это был караул во внутреннем помещении Михайловского замка. На этот раз Марин составил свой отряд исключительно из старых grenadierов, приверженцев памяти Екатерины II, следовательно, врагов павловских порядков. Заступая на охрану государя, поручик честно предупредил солдат: если в эту ночь найдется сволочь, которая решится защитить императора — берем в штыки, и дело с концом...

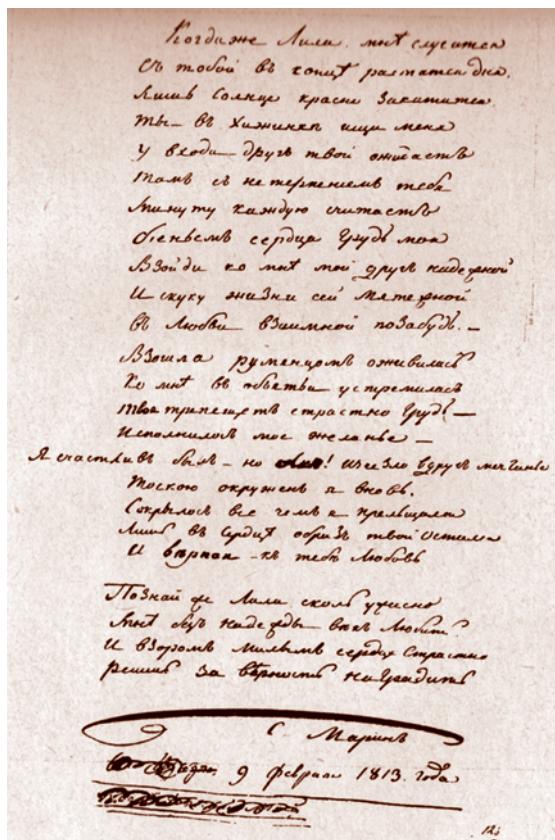
Когда заговорщики ворвались в спальню Павла, и со второго этажа в караульню скатился раненый слуга императора («Помогите! Государя убивают!»), Марин обнажил шпагу и скомандовал солдатам: «Смирно! Любого из вас, кто дернется, тут же уложу на месте...».

Павел I, как известно, был сбит с ног и потерял сознание от удара табакеркой по голове, который нанес зять фельдмаршала Суворова граф Николай Зубов. После чего его начали душить тем самым шарфом, который, по преданию, подал убийцам поэт Сергей Марин.

В ПЛЕНУ ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Марин не принадлежал к цеховым литераторам, однако его блестящие сатиры пользовались громадным успехом в литературной среде 1800-х годов. Он был автором литературных пародий, сатирических эпиграмм, любовных стихов, но, в первую очередь, батальной лирики, развитие которой напрямую связано с его именем.

Дело в том, что, в отличие от одописцев XVIII столетия, воспевавших монархов и полководцев, или авторов романтических «посланий» начала века XIX-го, поэтизирующих стихию войны, Марин стал первым литератором, кто обратился к жизни, быту и переживаниям обыкновенного воина русской армии. В литературе это было безусловным новаторством. Если в одах и «посланиях» главный интерес ав-

Автограф С. Н. Марина

торов вызывала война, в битвах которой участвовал человек, то у Марина эти приоритеты становились принципиально перевернутыми. Легко заметить, что в его лирике батальный материал достаточно скромен. Описание битв с их ужасами, громом пушек, треском ружейных залпов — или полностью отсутствует, или подается с подчеркнуто бытовой, а иногда даже комической стороны. В центре же поэзии, впервые в русской литературе, появляется человек, участвующий в войне.

Звук труб гласит врагов стремленье,
Спешу идти в кровавый бой —
Прости, о Лила! но в сраженье
Несу в душе я образ твой —
Когда же смерть там повстречаю,
Друг милый, не круши себя,
Счастлив мой жребий — жизнь кончай
Я за отчизну, за тебя.

«Любовь» и «война», «лира» и «меч» — на этой антитезе строится почти вся поэзия Сергея Марина. Любовь и война для него — два проявления одной стихии. Намечаясь как антитеза, любовь и война в итоге становятся

теми самыми ситуациями, в пределах которых и возможно проявление истинной человеческой сущности.

Как залп ужасный средь сраженья
Разит стоящих пред собой,
Так точно, быв без защищенья,
Твоей сражен я красотой.
Без серда стал я как без шпаги —
Я под арест тобою взят;
И нет такой во мне отваги,
Чтоб штурмом взять его назад.

Герой Марина в любви ведет себя как человек, одинаково преданный и своей возлюбленной, и родине. А поскольку этот человек помещен в переполненное сражениями конкретное историческое время, определяющее и его судьбу, и характер его страсти, то, вполне естественно, что предельным разгулом чувств для него оказывается война. Отметим, одной из специфических особенностей поэзии Марина является фиксирование какого-то одного напряженного мгновения жизни лирического героя. Напряженность чувств, переживаемых им, усиlena контрастным фоном эмпирической реальности, в которую герой погружен в данный момент: любовные проказы, бывуачные пирушки, безудержные кутежи и карточные игры. На фоне этого контраста ощущимей проступает удаль воина:

Шенпанского — и дай мне руку!
Вели стаканы нам наливай.
Забудем горести и скуку,
И станем мы любить и пить.

Пирсы, балы и кутежи становятся для Марина темами поэтическими именно потому, что они являются звеньями душевной жизни его лирического героя, той «триумфальной аркой», через которую он уходит на поле браны.

Готов я целый день сражаться,
Работать саблей и штыком,
Лишь только б после повстречаться
С красоткой милой и вином.

Пир здесь — метафора сраженья, а наслаждение в любви — радость победы. Так намечается путь к тематическому синтезу, столь почитаемому тогдашними сентименталистами. Но в отличие от их лирики поэзия Сергея Марина воспроизводит чувства и переживания героя стремительно и динамично. Если в стихах карамзинистов изображаемая реальность передается или как мечтание или как воспоминание, то у Марина герой подчас сам «переворачивает»

окружающий мир в процессе его постижения. Это — импульсивная поэзия, в ней всё сосредоточено на действии, категоричность и решительность которого передается с помощью восклицаний, обращений, риторических вопросов и т. д.

*Пойдем, братцы, за границу
Бить отечества врагов.
Вспомним матушку-царицу,
Вспомним, век ее каков!*

Именно здесь, в военных походах, появляются герои, которым присущи все человеческие слабости. Недаром так часто Марин намеренно иронизирует в отношении друзей-офицеров своего родного Преображенского полка, что, впрочем, нисколько не преуменьшает их героического облика, поскольку, как поясняет воин-поэт:

*Я эту лиру наразладе,
Нашел вчера на вахт-параде,
И начал кое-как бряцать.
Дела героев славны, громки,
Чтоб знали поздние потомки,
Как вас всех должно почитать.*

Вообще, поэзии периода наполеоновских войн присуще особое внимание к теме воинской дружбы. Я уже говорил, что дружеские связи в то время определяли многое. Они основывались либо на общности литературных вкусов (что способствовало возникновению литературных объединений), либо формировалась в профессиональных военных кругах (что чуть позже приводило к созданию политических организаций).

Марин очень точно фиксирует офицерское братство, скрепленное суровой дружбой под пулями. На этом фоне личные, мелкие, суетные интересы уходят для него на задний план:

*Средь пуль, бомб, ядер и картечи,
Среди смертей, среди увечий,
Есть чувство дружбы на войне.*

Пестрая в стилистическом отношении военная поэзия Марина продолжала линию малых жанров эпохи — альбомных, эпистолярных, застольных. Но при этом воин-поэт сумел собрать черты этих жанров в один биографический цикл, составив своего рода военно-бытовую поэму, в центре которой — портрет самого автора.

Увы, ни Марину, ни идущему вслед за ним в литературе Денису Давыдову, — так и не удалось преодолеть предшествующую традицию величальной оды и создать новый жанр

военной песни. Это оказалось под силу только Пушкину в поэме «Полтава», которая, по мысли Тынянова, «является комбинированным жанром — стихотворная повесть, основанная на романтической фабуле, комбинируется с эпопеей, развернутой на основе оды». Причины этого следует искать не только в пушкинском гении, но и в характере лирики того же Марина, которая складывалась в стороне от официальной, журнальной литературы. Ведь очень немногие стихи поэта-воина — в силу их крамольности — могли быть допущены цензурой к публикации.

*Служи Отечеству — твердят нам с юных лет.
Люби Отечество — твердят весь белый свет;
Да только на словах те речи исполняют
И со вредом его счастливо поживают.
А службой верною, любовию к нему,
Что можешь ты найти? — найдешь костьль, суму,
С которыми пойдешь по улице шататься
И именем Христа прося твой хлеб, питаться.*

Или —

*Исправятся ль народов нравы,
Прервутся ли войны кровавы,
Грабеж, убийство, плач и стон?
Дождемся ль мы Астrei царства,
И на развалинах коварства
Воззвигнет ли свой права трон?*

Военно-бытовая лирика продолжила существование и после ранней смерти Марина. Она расцвела в творчестве поэта-гусара Дениса Давыдова, после чего на какой-то период выродилась в рифмоплетство офицерских вечеринок. Батальная лирика вернулась в литературу спустя годы уже в новой трактовке — не столько бытовой, а, скорее, социально-психологической поэзии унтер-офицера Полежаева, чтобы еще через какое-то время взлететь на уровень философской лирики прапорщика Лермонтова. Но это уже будет период других войн...

ЛЮБОВЬ И ВЕРА

Граф де Ла Фер, ставший мушкетером Атосом, в романе А. Дюма, помнится, утверждал, что «любовь — это лотерея, в которой выигравшему достается смерть». Вот и в судьбах наших русских мушкетеров амурные чувства играли подчас роковую роль. Что же касается русского Атоса Марина, то, в отличие от своих чрезмерно влюбчивых друзей, о многочисленных романах которых в свете ходили легенды, он оказался однолюбом.

*Вера Николаевна Завадовская.
Худ. В. Боровиковский. 1790-е годы*

Его избранницу звали Вера. Точнее, Вера Николаевна. Урожденная графиня Апраксина, она стала женой старого угрюмого брюзги, доживающего в столице свой век большим барином, бывшего фаворита Екатерины II графа Петра Васильевича Завадовского. Именно императрица когда-то и устроила свадьбу своего состарившегося любовника и юной красавицы, что была моложе его на тридцать лет.

Брак, естественно, оказался несчастливым. При молодости, красоте и жажде светских успехов графини Завадовской, домашняя жизнь с дряхлеющим мужем, угрюмо погруженным в воспоминания о былом величии, была невыносимо безотрадной. Протомившись так несколько лет, Вера Николаевна бросилась навстречу тому, что могло бы утолить жадные запросы ее души и тела, равно жаждавших любви.

Современники не были к ней милосердны, попросту называя «потаскушкой». Уже в конце 1790-х годов в переписке представителей петербургской знати, всячески обсуждаются отношения графини Завадовской с разными молодыми людьми, обитающими в столичных салонах. Английский посланник граф Воронцов, отец нашего д'Артаньянна и старинный друг старого графа Завадовского, отправляя сына в Россию, сделал такую запись: «Я был бы рад, чтобы мой сын остановился у графа Завадовского, если бы, к несчастью, мой друг не был женат на совершенно распущенной

женщине. Молодость имеет много прелести для такой особы: она способна была бы его обольстить».

Когда появился Марин, ей уже тридцать четыре. Взаимное чувство вспыхнуло мгновенно. Для них началась жизнь, освещенная самой горячей неостывающей любовью. Вера Николаевна вдохновила Марина на целый цикл лирических стихотворений. Чтобы избежать сплетен и не вызвать гнев ее мужа, поэт в стихах называл возлюбленную «Лилой», или просто «верой» — верою в божество:

Увидев веры совершенство,
Презрел я света суету.
Где веры нет, там нет блаженства,
Без неё смерть жизни предпочту...

Или вот еще —

Ею я прельщаюсь, нравиться стараюсь,
Мыслию восхищаюсь, что любим ей я.
Скучен свет без милой. Век хочу быть с Лилой.
Господи помилуй! Её для меня.

Марин лишь единожды попытался расстаться с Верой Николаевной. Под покровом особенно мерзкой, промозглой, гнилой осени 1806 года, он, весь израненный под Аустерлицем, оставленный друзьями, всерьез решается бросить армию и навсегда покинуть Петербург. В письме к Воронцову (д'Артаньянну) он сообщает об этом так: «Надо мне сказать тебе, что я хочу жениться. Чему ж ты смеешься? Мне кажется, это неучтиво, когда смеются человеку в глаза; другое дело — заочно; итак прошу не улыбаться и слушать. Да, друг мой, ежели мне не помешают, то я женюсь на миленькой девочке. Она не коновая, то есть не большого свету, что для меня и лучше, имеет прекрасное состояние, и я теперь на этот счет строю прекрасные воздушные замки. Очень жаль мне будет, если они разрушатся... Нет ли у вас какого-нибудь святого? Помолись ему, чтоб я успел. Право, брат, пора на покой: кости мои и службой и любовью изломаны».

«Ежели мне не помешают...»

Помешали. Вера Николаевна сделала всё, чтобы убрать с дороги соперницу. И даже память о ней: имя девушки не сохранилось. Осталось одно лишь стихотворение «Буйны ветры зашумели», которое Марин посвятил загадочной «Г», той самой не «коновой» девушке, к которой однажды решил сбежать от своей роковой любви. После смерти поэта в рукописи этого стихотворения после строки: «А в свете жил одной тобой» рукою Веры Николаевны было вписано — «И мной!».

ВОРОНЕЖСКИЕ МОТИВЫ

«— Этот гасконец необычайно сообразителен! — воскликнул Портос.

— Я очень люблю его слушать, — сказал Атос. — Меня забавляет его произношение».

А. Дюма. «Три мушкетера»

Марин был одним из первых воронежцев, кто отправился из наших мест на покорение столицы и весьма в этом деле преуспел. После смерти Павла I наш герой стал пользоваться особым расположением нового императора Александра I. И очень скоро он начал выполнять в Петербурге роль своеобразного губернского «посла», к которому земляки обращались с различными просьбами. Марин, вспоминают современники, имел дар «выпрашивать всё, чего б просящие законным образом не домогались». Так, к примеру, он часто помогал детям воронежских дворян устроиться на военную службу в столице, добывал в Петербурге и присыпал в губернию различные ликовинные товары... В сохранившемся стихотворном послании к другу детства Максими Нечаеву Марин утверждает, «а всё, что мило мне, оставил я у вас», то есть в Воронеже. В этом же письме — одни из самых проникновенных стихотворных строк о любви к нашему городу:

На родину хочу и телом и душою!
Явлюся к вам, друзья, осеннюю порою,
Курьерскую возьму, и с плетью на руке,
Предстану перед той, в дорожном колпаке,
Весь в сумках и ремнях — ах, долго дожидаться.
Хотелось прежде мне с друзьями повидаться,
И к сердцу томному хотелось их прижать;
Да не велит устав — и так обязан ждать,
Доколе осень к нам, и буря принесутся,
Дни красны пропадут, и дождики польются,
Маневры кончатся — и вкусим мы покой —
Тогда-то, милый друг, увижуся я с тобой,
И трудности пути и холод позабуду,
Иззябну, изобьюсь — но к вам в Воронеж буду.

Любопытно, что своеобразным талисманом родного города для Марина долгие годы оставался его слуга парикмахер Игнат Захаров, которого отец когда-то отправил с ним из Воронежа в Петербург. Этот человек был воплощением многочисленных пороков, но Марин прощал слуге всё — а как же иначе, ведь тот был воронежцем и его особый местный говор и манеры напоминали поэту в холодной столице о далекой и любимой солнечной родной губернии.

Младший брат Марина Аполлон вспоминал, как в восьмилетнем возрасте был отправлен к брату в столицу — поступать на военную службу. Сергея на месте он не застал — тот вынужден был отбыть на несколько дней в Москву — но застал Игнашку, который «в пьяном виде начал возить меня по трактирам и поить водкой. Я схватил сильную горячку». Марин не раз стыдил своего холопа: не совестно ли, мол, тебе, братец, мои же деньги пропивать? Игнашка обыкновенно виновато бурчал, что он-де не всё прогил, и что на последнюю копейку купил для любимого барина чего-нибудь вкусненького, к примеру, пирожок...

Однажды за все свои проказы слуга-парикмахер заработал от Марина шуточную эпитафию, которую барин обещал разместить на его могиле:

Игнашку, чтоб зарыть, немного хлопотали:
Накрыли фартуком да пудрой заметали
А чтобы знали все, кого сразил здесь рок,
То в кучу пудрену воткнули гребешок...

...В 1805 году воронежский крепостной холоп Игнат Захаров сопровождал Марина в походе. Когда под Аустерлицем воин-поэт был тяжело ранен и потерял сознание на поле боя, его парикмахер бежал, прихватив с собой все имущество барина.

Позже, уже в Петербурге, Игнашка, прокутивший ворованное, явился к Марину с починой. Человек добрый и всегда далекий от мести, Марин своего лакея, предавшего его на чужбине, отпустил на волю вольную, навсегда раскрепостив его род, но перед этим основательно высек Игнашку... новой эпиграммой:

Надгробную ему я рано начертал.
В походе он меня, как липку, ободрал.
Украл часы, червонцы, пистолеты...
И проживет еще, к несчастью, многи лета...

История с парикмахером Игнашкой Захаровым, впрочем, никак не отразилась на отношении Марина к воронежцам. Он по-прежнему помогал землякам устраивать судьбу в столице. Только вот нового слугу себе взял из далекой от Воронежа северной Олонецкой губернии.

ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ И МИРА

В 1805 году Россия в союзе с Австрией вступила в войну с Наполеоном, и «русские мушкетеры» — четверо друзей-преображенцев устремились на поля сражений. Марин написал слова знаменитого «Преображенско-

го марша»: «Пойдем, братцы, за границу, бить Отечества врагов». Под этот марш друзья и отправились в походы.

Всю дорогу Марина не оставляли грустные предчувствия, которые, к сожалению, оправдались: в неудачном для России сражении под Аустерлицем русская гвардия понесла значительные потери. Наполеон доказал совершенство своей армии, а русские продемонстрировали французам, что в бою умеют стоять насмерть. Марин, командуя батальоном, был буквально иссечен пулями. Первая пуля навылет прошла через его левую руку, вторая застряла в груди, а французской картечью разбило ему голову. Падая, он успел крикнуть своим солдатам: «Прошайте, братцы! Спасибо за службу...»

Весь следующий 1806 год Марин залечивал раны в столице и переживал за друзей, оставшихся в армии, каждую минуту опасаясь их лишиться. Так до него дошли неверные слухи, что Арсеньев погиб, но вскоре Воронцов успокоил друга-поэта известием, что их товарищ жив и здоров, но попал в плен под Ландсбергом. И снова Марин оказался в невыносимом для него положении: все его друзья находились в армии, и он только следил за ними издалека, не подвергая свою жизнь опасности. «Благодарю тебя за известие об Арсеньеве, — писал он Воронцову. — Проклятый полковник, сколько он мне сделал горя! Но благодаря Бога, что он жив, я его прощаю... Ты восхитил меня описанием дел Суворова. Верно, никто так в Петербурге не рад этому, как я...».

В 1807 году Марин вновь в строю, о чём он тут же сообщает другу: «Любезный Миша, Государю угодно было сделать меня батальонным командиром и вверить мне батальон стрелков милиционных. Я с ними выступаю через две недели. Приду к тебе, мой друг, и буду по-прежнему делить вместе с тобой палатку и труды». В новом батальоне Марина — добровольцы из Олонецкой губернии: жители северных лесов, карелы, финны и поморы, все они были отличными охотниками и стрелками. В сражении под Фридландом его батальон геройски бился с французами, а сам Марин опять был серьезно ранен осколком гранаты в голову. На жалких обозных дорогах, временами теряя сознание, через ухабы прусских оврагов поэт возвращался на родину, чтобы снова увидеть лицо своей любимой Веры, и в горячечном бреду сами собой возникали и вновь меркли строки:

Пожалуйте, сударыня, сядьте со мной рядом.
Пожалуйте, сударыня, наградите взглядом...

Это был период, когда пружина европейской политики стала приводиться в действие историческим парадоксом: дитя революции, Наполеон, оказался слугой регресса и самовластительным злодеем, просвещенный же монарх Александр явится олицетворением прогресса и освободителем народов. Наполеон делал ставку на игру случая, на удачу, на попутный ветер; своим примером он разрушал незыблемые основания всех государственных концепций XVIII века; Александр же, будучи государем планомерным, возвращал европейскому миру почву под ногами, делал историческую перспективу обозримой, будущность — просчитываемой...

После разгрома русской армии под Фридландом Александр I решает вступить в мирные переговоры с Наполеоном — впервые не поставив Пруссию в известность и лишь в последнюю минуту успев занять вакантное место союзника Франции, на которое претендовала Австрия...

В ноябре 1807 года Марина неожиданно вызывают в Зимний дворец, где государь принимает его лично. Наш герой получает должность флигель-адъютанта при дворе и сразу же — секретное предписание: немедленно отправиться в Париж, дабы вручить Наполеону личное послание императора Александра I.

Об этой поездке практически ничего неизвестно. Из переписки двух государственных мужей — канцлера графа Н. П. Румянцева с русским послом в Париже графом П. А. Толстым можно лишь установить, что поездка эта для Марина заняла два месяца и что поручение императора он с честью выполнил.

В Петербурге Марина ждало новое поручение. В секретном докладе, который был ему вручен, сообщалось, что на границе империи действует некая организация контрабандистов, что входящие в нее «вильенские и гродненские евреи в большом количестве отправляют русские рублевики в Саксонию посредством корреспондента, живущего в Дрездене, еврея Каскеля. Рублевики наши обращаются в тамошний монетный двор, где их еженедельно до 120 000 перечекивается в талеры. Операция сия продолжается и наносит казне непоправимый урон». Вместе с еще одним императорским флигель-адъютантом П. А. Кикиным Марину надлежало немедленно отбыть в Вильню и Гродно и провести следствие.

Через некоторое время из Гродно на имя императора был получен рапорт Марина о том, что во главе контрабандистов стоит

французский банкир по фамилии Симеон. Марин сообщал, что главный агент этого банкира в России, «едущий с серебряными государственными рублями за границу, пойман мною и содержится под караулом; вместе с ним пойманы евреи Розенфельд и Зоселович, занимавшиеся преступной контрабандой». Сам же банкир Симеон, сообщал далее Марин, арестован, но разведка Наполеона спрятала столь хорошо, что этот Симеон, вовремя предупрежденный, успел уничтожить все документы о своих финансовых аферах в Дрездене...

За раскрытие этого преступления Марин получил звание полковника и высокую должность в Твери при тамошнем губернаторе принце Г. П. Ольденбургском, женатом на любимой сестре императора Екатерине Павловне. Однако наш герой не счел это назначение наградой. «Тошнит мне двор, а паче того не люблю принцев», — писал он друзьям. Свое положение в Твери сам же высмеял в сатире:

Во брани поседев, воспитан под шатрами,
Попал я на паркет и шаркаю ногами.
Смотрю, и новых тьму встречаю я картин:
Тот ролю взял слуги, сам бывши господин,
Иной, слугою быв, играет роль вельможи...

Впрочем, пребывание в Твери скрашивалось для Марина дружбою с молодым живописцем Орестом Кипренским, который там же написал известный романтический портрет нашего героя.

«ДРУГ ДРУГА ОХРАНЯТЬ ОТ ЗЛА...»

А что же «мушкетерская» дружба? Устояла ли она под бременем испытаний, выпавших на долю четверых преображенцев? В один из черных дней, когда в Твери его особенно донимали раны и одиночество, Марин написал едва ли не самое мрачное свое стихотворение «К друзьям»:

Боитесь разделить с приятелем вы скучу.
До тех пор ласковы, доколь я был здоров.
Теперь же болен я — и несколько часов
Мне уделить нельзя. Вы отвратили взоры, —
И лестница моя для вас Кавказски горы —
Вам пропасть кажется там каждая ступень.

Верное и трепетное сердце Марина все эти годы постоянно разрывалось страхом лишиться кого-либо из своих товарищей. Вот строки, что вышли из-под пера Марина в пору, когда все четверо наших «мушкетеров» еще были живы:

Итак, друзья, схватясь руками
Вокруг вечернего стола,
Мы клятву подтвердим сердцами,
Друг друга охранять от зла.

«Зло» обрушилось внезапно и совсем не с той стороны, откуда его ждали. Наш Арамис, Дмитрий Арсеньев, уцелевший на полях браны, благополучно возвратившийся из французского плена, в декабре 1807 года был убит на дуэли. Причиной тому стала его очередная влюбленность. Арсеньев был очарован и даже собирался жениться на фрейлине великой княгини Анны Федоровны Каролине-Марии фон Рённи. Его желания были увенчаны успехом, и он был объявлен ее женихом. Даже император, прекрасно к расположенный к Арсеньеву, благословил его выбор и выделил на свадьбу полковнику-преображенцу существенную сумму. И тут появился некий богатый польский помещик граф Иринарх Хрептович, который также стал домогаться руки девицы Рённи. В конце концов, ее мать, прельщенная богатством графа, уговорила дочь отказать Арсеньеву и принять предложение Хрептовича.

Арсеньев не вынес обиды и вызвал польского графа на поединок. Дуэль была на пистолетах, Арсеньев был убит на месте. Весь Петербург оправдывал его. Похороны Арсеньева собрали огромное число народа, и все осуждали Хрептовича. По этой причине польский граф был вынужден покинуть столицу, а вслед за ним уехал из Петербурга и семейство Рённи.

Марин, потрясенный гибелью друга, написал на смерть Арсеньева:

Но пред тем как расставался
С телом твой скорбящий дух,
Ты забыл, знать, что остался
У тебя здесь верный друг!..

Вторым ушел наш Портос, «Бижу», как звали его друзья. 11 апреля 1811 года не стало Аркадия Суворова. Сын великого русского полководца погиб так же бесшабашно и лихо, как жил, не дотянув, как и Арсеньев, до тридцатилетнего возраста. «Этот молодой герой, полный надежд, всеми любимый, переезжая (несмотря на убеждения в невозможности переезда), по привычному бесстрашию, в коляске с генерал-майором Удомом, Рымник (ничтожный ручей, но тогда надувшийся от наводнения) был опрокинут и увлечен быстриною», — сообщалось в военном журнале. К этому можно добавить, что сын генералиссимуса погиб в той же реке, название которой

(Рымникский) он унаследовал от отца в память бессмертной победы над турками. «Бижу» погиб, пытаясь спасти своего пьяного кучера, опрокинувшего в реку карету. Кучера он спас, а сам не выплыл...

Похоронив друзей, Марин и Воронцов вернулись к привычной жизни. Наш д`Артаньян, граф Воронцов, воюя с Турцией, «ходил за Дунай», во главе Нарвского пехотного полка взял штурмом крепость Базарджик, осаждал крепость Варну, сражался под Шумлой с великим визирем Юсуфом-пашой и в 28 лет был произведен в генералы.

Русский же Атос, Сергей Никифорович Марин, с головой погрузился в милое его сердцу писательство. В столице он вместе с некоторыми известными литераторами того времени — среди них Г. Р. Державин, И. А. Крылов, К. Н. Батюшков — стал издавать «Драматический вестник». А 14 марта 1811 года на торжественном открытии «Беседы любителей русского слова» Марин был торжественно принят в члены этого общества. Чувствовалось, что он обрел душевный комфорт среди единомышленников и собратьев по перу, в обстановке вдохновения и творчества:

Марин, оставя все походы,
Шеренги, отделенъя, взводы,
Желает с вами говорить,
Другим он петь войну оставил, —
Веселья нет в людей стрелять...

...А в это время на берегах Дуная его последний друг генерал-майор граф Воронцов распечатывал письма, кричащие одиночеством: «Пожалуйста, пиши ко мне!.. Недавно я перечитывал твои письма из Грузии и нашел, что в теперешних мало свежести. Может быть, тебе и некогда писать много; но все можно сказать слова два-три; хотя бы делай мне поручения и докажи, что ты меня все помнишь»....

Что ж, прав был тот, кто однажды очень точно назвал письма — «запекшейся кровью эпохи».

«ПОМНИ И ЛЮБИ»

«Европа с Францией алкала России изменить судьбу, вселенна с ужасом взирала на страшную сию борьбу», — такими строками встретил Марин наступление 1812 года. Этот год отодвинул на дальний план все личные интересы людей, заставил позабыть прежние обиды. Нападение Наполеона никого не оставило равнодушными: в 1812-м все стали патриотами, и такое великое единство народа

да помогло России выстоять перед натиском «непобедимой армии» корсиканца.

Беда соединила и наших друзей. Генерал Воронцов стал командиром 2-й сводно-гренадерской дивизии во 2-й Западной армии князя Багратиона, в штаб которого полковник Марин получил назначение дежурным генералом. «В армии Багратиона находились тогда наши лучшие генералы», — отмечал историк того времени.

Марин прибыл к Багратиону прямо из Твери. Он давно был близок к князю и даже существует версия, что именно через Марина Багратион поддерживал связь с Катиш — супругой принца Ольденбургского, великой княгиней Екатериной Павловной, в которую Багратион был страстно влюблен...

В армии Багратиона Марин выполнял «черную, незаметную работу», не щадя сил, заботился о снабжении отступающей армии. Генерал Маевский, начальник канцелярии 2-й Западной армии, с большой любовью отзывался в мемуарах о Марине, как о благороднейшем начальнике и о человеке, умевшем по достоинству ценить себя и своих подчиненных, которых никогда не давал в обиду.

При этом Марин чувствовал себя все хуже и хуже («Здоровье мое уплыло с дежурством, час от часу становлюсь слабее...», — жалуется он Воронцову), но, несмотря на это в 1812 году участвовал в боях. Окончательно сломила его гибель Багратиона в Бородинском сражении. В том же бою, потеряв практически всю дивизию, был тяжело ранен в ногу и Воронцов.

По личному распоряжению императора, Марин был вывезен в столицу. Он слабел на глазах и уже почти не вставал.

...Воронцов лечил бородинские раны в своем поместье, где на собственные средства устроил большой военный госпиталь для солдат. Именно там, в окружении «братской семьи увечных», 21 декабря 1812 года он получил последнее письмо от друга: «До свидания, друг и командир. Помни и люби Марина». А 1 января 1813 года воин-поэт написал и последнее в своей жизни стихотворение:

Счастье к людям не приходит,
Хоть с поклонами зови;
Не грушу — мой дух находит
Счастье в дружбе и любви...

Марин умер 19 февраля 1813 года за Нарвской заставой — на даче своей «Лилы». При вскрытии его тела врачи обнаружили французскую пулю, засевшую возле самого сердца

еще со времен Аустерлица, она и стала причиной смерти. Все хлопоты по захоронению поэта взяла на себя Вера Николаевна... По ее воле на постаменте надгробия были высечены слова: «*O, мой надежный друг! Расстались мы с тобой, и скрылись от меня и счастье и покой...*»

Это были стихи самой Веры Николаевны, но она никогда публично не признавала их своими. Там же, на постаменте, скульптор изобразил и плачущую над могилой женщину, лицо которой скрыто за драпировкой траурного крепа. Однако ваятель укрыл не все ее лицо, а потому современники догадывались, что над могилой поэта в неутешной скорби рыдает графиня Завадовская...

После смерти возлюбленного Веру Николаевне предстояло прожить еще очень долгую жизнь. Она умерла в 1845 году 78-летней старухой и была похоронена в безвестной глуши Порховского уезда Псковской губернии. А в числе ее потомков была и Софья Андреевна Берс, ставшая женой Льва Толстого, писателя, который в своем романе «Война и мир» не забыл помянуть, что в грохоте Бородинского сражения главнокомандующий русской армией Кутузов просил своего адъютанта прочесть ему стихи Сергея Марина...

...Последний из «русских мушкетеров», наш д'Артаньян, генерал Михаил Воронцов, наспех залечив раны в своем имении, вернулся в армию, с которой под звуки «Преображенского марша» Сергея Марина вошел в поверженный Париж.

В дыму сражений он не ощущал пустоты, которая вокруг него образовалась. Ее он почувствовал, лишь вернувшись в Петербург. Отныне в столице все будет напоминать ему об ушедших друзьях. Оттого, наверное, и жить здесь Воронцов больше никогда не сможет.

В его биографии будет еще немало славных побед, годы службы новороссийским генерал-губернатором и наместником в Бессарабии и на Кавказе. Воронцов будет много воевать, странствовать по свету, строить города, порты и дворцы, будет щедро «споспешествовать торговле и образованию» и однажды дослу-

*Памятник на могиле С. Н. Марина
на Лазаревском кладбище в Александро-Невской
лавре в Санкт-Петербурге*

жится до чина фельдмаршала — высшего воинского звания в России...

У него будет всё — и слава, и богатство, и красавица жена. Только одного у него не будет уже никогда — друзей. Тех единственных, всегда помнивших о нем и всё ему прошавших друзей молодости, так похожих на классических мушкетеров из романа сына одного наполеоновского генерала...

«— А теперь, господа, — произнес д'Артаньян, не пытаясь даже объяснить свое поведение, — один за всех и все за одного — это отныне наш девиз. Не правда ли?...» (А. Дюма «Три мушкетера»).

